

УДК 902/904

<https://doi.org/10.24852/2587-6112.2024.4.326.335>

**СТЕПЬ И ВОЛГО-КАМСКИЕ ФИННЫ И УГРЫ:
ПРОБЛЕМА КОНТАКТОВ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ I ТЫС. Н.Э.
В АРХЕОЛОГИЧЕСКОМ ВЫРАЖЕНИИ
(НА ПРИМЕРЕ ПОЯСНЫХ НАБОРОВ)**

©2024 г. В.А. Иванов

Опираясь на результаты исследований Т.Б. Никитиной и Н.Б. Крыласовой по типологии и хронологии поясной гарнитуры из могильников VIII–XIII вв. Вятско-Ветлужского междуречья (древние мари́йцы) и Среднего Прикамья (финно-пермяки, носители родановской археологической культуры), автор статьи приводит сравнительно-географическую статистику распространения в регионе целых поясных наборов, состоящих из пряжки, накладок и наконечника. Полученные результаты показывают, что в VIII–IX вв. целые пояса концентрируются в основном в могильниках древних угров-венгров Прикамья и Южного Предуралья, по частоте встречаемости значительно превосходя могильники мари́йцев и мордвы. Вероятно, именно вследствие миграции венгров из Предуралья пояса и их детали могли отложиться и в могильниках древней мордвы. В X–XI вв. «статистическое лидерство» в использовании целых поясов переходит к поволжским финнам – мари́йцам. У угров Южного Предуралья пояса не встречаются вообще, а у кочевников-печенегов – единицами. Менее частое распространение этих изделий у прикамских финно-пермяков – носителей родановской культуры – при наличии у них собственного производства, вероятно, объясняется влиянием ислама, центром распространения которого в Прикамье был болгарский город-форпост Афкула.

Ключевые слова: археология, угры, финны, кочевники, пояс, поясная гарнитура.

**STEPPE AND THE VOLGA-KAMA FINNS AND UGRIANS:
ISSUES OF CONTACTS IN THE SECOND HALF
OF THE I MILLENNIUM AD IN ARCHAEOLOGICAL
INTERPRETATION (USING THE EXAMPLE OF BELT SETS)**

V.A. Ivanov

Based on the results of research by T.B. Nikitina and N.B. Krylasova on the typology and chronology of the belt set from burial grounds of the VIII–XIII centuries in the Vyatka-Vetluga interfluvium (ancient Mari people) and the Middle Kama region (Finno-Permyaks, bearers of the Rodan archaeological culture), the author of the article provides comparative geographical statistics of the distribution in the region of intact belt sets, consisting of a buckle, mounts and belt-end. The results obtained show that in the VIII–IX centuries intact belts are concentrated mainly in the burial grounds of the ancient Ugrians-Hungarians of the Kama region and the Southern Ural, significantly exceeding the burial grounds of the Mari and Mordvins in frequency of occurrence. Probably, due to the migration of the Hungarians from the Cis-Urals the belts and their details could have been deposited in the burial grounds of the ancient Mordvins. In the X–XI centuries “statistical leadership” in the use of intact belts goes to the Volga Finns – the Mari. Among the Ugrians of the Southern Cis-Urals belts are not found at all, and among the nomadic Pechenegs – just a few. The less frequent distribution of these items among the Kama Finno-Permyaks – bearers of the Rodanovo culture – even if they had their own production, is probably explained by the influence of Islam, the center of which spread in the Kama region was the Bolgar outpost town of Afkula.

Keywords: archaeology, the Ugrians, the Finns, nomads, belt, belt set.

Проблема культурных контактов волжских финнов, болгар, прикамских пермяков и угров в эпоху раннего Средневековья как между собой, так и с населением других территорий для археологии Волго-Камья и Предуралья нова. Во всех исследованиях, обобщающих и

конкретно эмпирических, вопрос этот постоянно ставится и в той или иной степени решается. Другое дело, что решается он в основном в контексте широтных культурных контактов поволжских финнов (древних мари и мордвы), прикамских пермяков (удмуртов) и угров

с Древней Русью и Скандинавскими областями. Что, впрочем, относится в основном к периоду X–XIII вв., когда этнополитическая ситуация в степях Восточной Европы существенно изменилась. Степи были захвачены печенегами, огузами, а затем и половцами/кипчаками, так что прямые контакты между населением лесного Волго-Камья и южными торгово-ремесленными центрами становятся проблемными. Сами кочевники импортерами ценных предметов не могли являться а priori. В свое время Н.Б. Крыласовой и автором этих строк на примере костюмного убранства была высказана точка зрения о том, что кочевая степь не являлась источником культурного импульса в материальную культуру населения лесного Урало-Поволжья (Иванов, Крыласова, 2006). Да и Камский торговый путь, судя по ассортименту и распространенности соответствующих находок – главным образом украшений и поясной гарнитуры, начинает в это время функционировать в основном тоже в широтном направлении (Русь, Прибалтика, Верхнее Поволжье, Зауралье и Западная Сибирь) (Белавин, 2000, с. 144–182).

Но с другой стороны, было высказано мнение и о том, что именно в X в. возрастает, по сравнению с предшествующим временем, товарообмен между странами ислама и европейским миром. Главным транзитным пунктом этого обмена становится молодое государство Волжская Булгария (Кирпичников, 2001, с. 27; Петрухин, с. 158–159).

По мере увеличения источниковой базы по материальной культуре народов Волго-Камья и Предуралья в начале – первой половине II тыс. н. э. значение Волжской Булгарии как генератора культурных импульсов (ареалообразующего фактора) для народов региона в оценке исследователей становится доминирующей (Белавин, 2000, с. 104–106; Крыласова, 2001, с. 208; Никитина, 2002, с. 149–151; Никитина, 2023, р. 174–175; Иванова, 2022, с. 664–666). Вместе с тем появились и факты, свидетельствующие о появлении у лесных племен региона собственного ювелирного производства, основанного на традициях болгарской ювелирной школы (Иванов А.Г., 2001; Никитина, 2002, с. 140–146; Никитин, Никитина, 2004, с. 59–60; Крыласова и др., 2019; Белавин, Крыласова, 2022, с. 710).

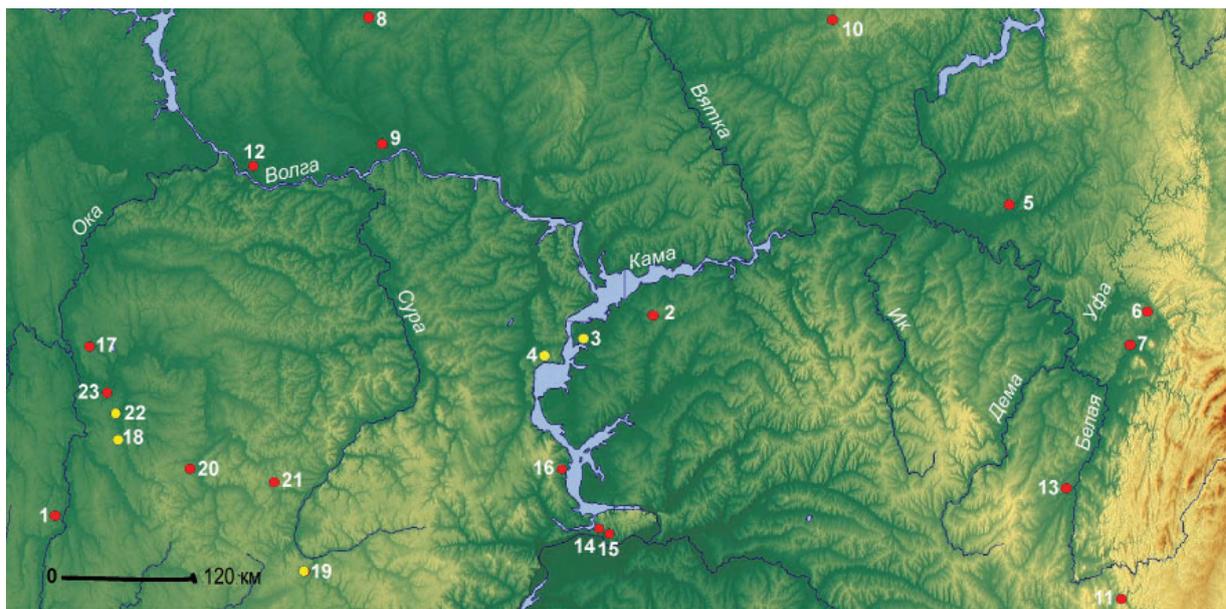
Если объектом предлагаемого исследования являются культурные контакты кочевой

степи и оседлого населения лесного Волго-Камья и Предуралья в период конца I – начала II тыс. н. э., то в качестве предмета я позволил себе вновь обратиться к поясной гарнитуре как наиболее броской для визуального восприятия категории материальной культуры. Именно эта броскость объективно создает у нас впечатление о поясах как об одном из характерных элементов культуры как кочевых, так и оседлых племен Волго-Уральского региона в эпоху Средневековья. То есть в действие вступает стереотип, который по своему характеру «может быть не совсем ложным, но он часто преувеличивает одни особенности реальности и опускает другие...», ему по определению не хватает нюансов, поскольку одна и та же модель применяется к культурным ситуациям, которые значительно отличаются друг от друга» (Берк, 2023, с. 231).

Соответственно, задачами предлагаемой работы я вижу, во-первых, «поставить точку над i» в вопросе о роли степи в формировании комплекса материальной культуры оседлого населения Волго-Камья и Предуралья в эпоху Средневековья¹.

Во-вторых, показать, насколько велика была роль пояса в материальной (а в известной степени – и духовной) культуре финского, пермского, угорского (пермско-угорского) населения региона. Показать, исходя из реально существующих сейчас археологических данных.

Вообще, если обратиться к содержанию только что вышедшего фундаментального коллективного труда «Археология Волго-Уралья. В 7 т.» (том 5), то складывается устойчивое впечатление о том, что в восприятии современных исследователей пояса не являлись какой-то выдающейся категорией материальной культуры средневекового населения региона. Авторы соответствующих разделов их только упоминают в контексте «пояса были», не приводя никаких данных ни об удельном весе поясов в материальной культуре рассматриваемых групп населения региона, ни об их семиотике. Исключением является только раздел, посвященный археологии памятников X–XIII вв. в Среднем Предуралье (родановская культура), авторы которого указывают, что коллекция поясной гарнитуры на родановских памятниках довольно представительна и насчитывает более 400 экз. (Белавин, Крыласова, 2022, с. 736). И это

● - погребения с целым поясом; ● - погребения с отдельными деталями пояса

Рис. 1. Распространение полных поясов VIII–IX вв. в Волго-Уралье. Могильники: 1 – Крюково-Кужновский; 2 – Больше-Тиганский; 3 – Танкеевский; 4 – Больше-Тарханский; 5 – Манякский; 6 – Лагеревский; 7 – Каранаевский; 8 – Веселовский; 9 – Выжумский; 10 – Варнинский; 11 – Ямаши-Тай; 12 – Безводнинский; 13 – Стерлитамакский; 14 – Брусыны; 15 – Малая Рязань; 16 – Шиловский; 17 – Журавский II; 18 – Старо-Бадиковский; 19 – Армиевский; 20 – Красный Восток; 21 – Елизавет-Михайловский; 22 – Подболотьевский; 23 – Пановский.

Fig. 1. Spread of intact belts in the VIII–IX centuries in the Volga-Ural region. Burial grounds: 1 – Kryukovo-Kuzhno-vo; 2 – Bolshiy Tigan; 3 – Tankeyevka; 4 – Bolshiy Tarkhany; 5 – Manyak; 6 – Lagerevka; 7 – Karanaevo; 8 – Veselovo; 9 – Vyzhum; 10 – Varninsky; 11 – Yamashi-Tau; 12 – Bezvodninsky; 13 – Sterlitamak; 14 – Brusyany; 15 – Malaya Ryazan; 16 – Shilovka; 17 – Zhuravka II; 18 – Staro-Badikovo; 19 – Armyevo; 20 – Krasny Vostok; 21 – Elizavet-Mikhailovka; 22 – Podboloty; 23 – Panovka.

сразу же побуждает обратиться к вопросу о том, что такое «пояс» в контексте археологического источниковедения? Вопрос отнюдь не праздный, поскольку касается наших представлений и реконструкций аспектов социальной и духовной истории древнего населения. В подтверждение своей мысли обращаю внимание коллег на то обстоятельство, что простой кожаный ремень, завязанный узлом, или шерстяной кушак на чреслах – это тоже пояс. Не говоря уже о поясах, снабженных одной пряжкой и наконечником или украшенных 2–3 накладками.

В контексте предлагаемой работы я предлагаю считать «поясными» (то есть содержащими целый пояс) только такие погребальные комплексы, в которых наборные пояса либо найдены *in situ*, либо убедительно реконструируются по количеству элементов поясной гарнитуры. Все остальные комплексы, содержащие детали поясной гарнитуры², так и номинировать – *отдельные детали пояса*.

Начиная со второй половины I тыс. н. э. поясная гарнитура³ становится органичной частью материальной культуры населения Волго-Уралья. И одни из ведущих исследователей региона – А.М. Белавин и Н.Б. Крыласова – выдвинули концепцию о тесных торговых и, возможно даже, этнокультурных контактах племен лесного Прикамья с Хазарским каганатом (носителями салтово-маяцкой культуры) (Белавин, Крыласова, 2022а). Концепция небесспорная, являющаяся альтернативой другой (тоже небесспорной) концепции, согласно которой Прикамье (неволинская культура) в VIII–IX вв. являлось центром производства и распространения⁴ поясной гарнитуры т. н. тюркских типов (Голдина, 2012, с. 222).

Относительно салтово-маяцкого (хазарского) влияния на формирование комплекса материальной культуры прикамско-предуральского населения мы уже имели возможность высказаться – оно было незначительным⁵

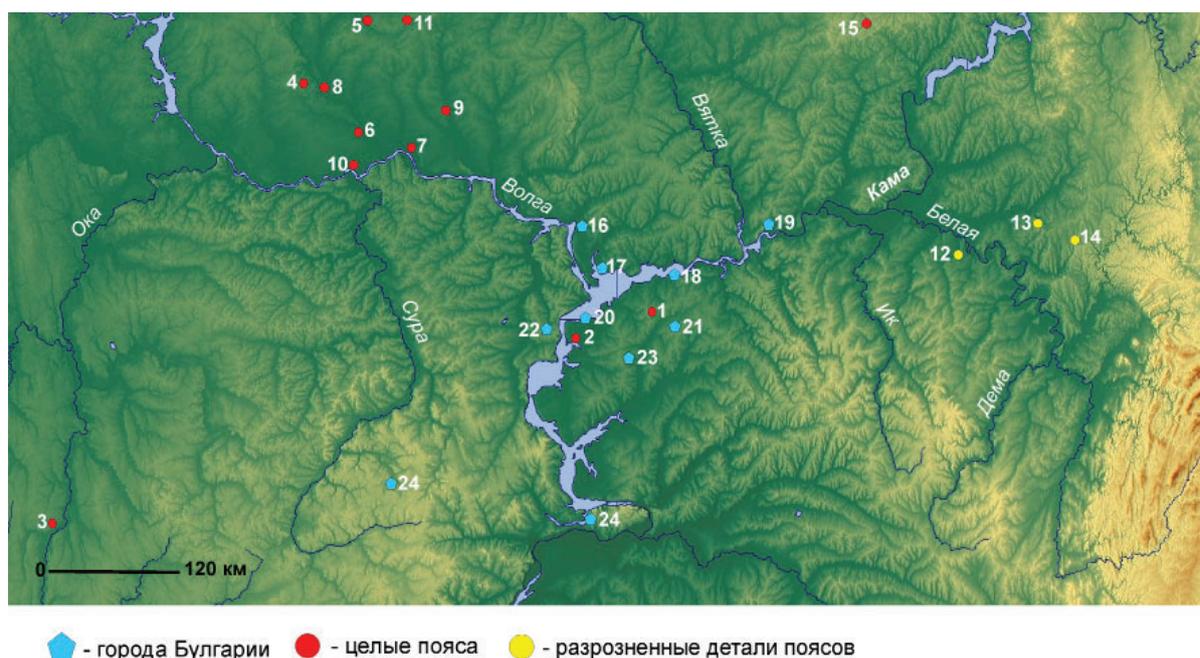

Рис. 2. Распространение полных поясов X–XI вв. в Поволжье и Южном Предуралье.

Могильники: 1 – Больше-Тиганский; 2 – Танкеевский; 3 – Крюково-Кужновский; 4 – Русенихинский; 5 – Веселовский; 6 – Выжумский; 7 – Дубовский; 8 – Затон Михеева; 9 – Красногорский; 10 – Нижняя стрелка; 11 – «Черемисские кладбище»; 12 – Жититамакский; 13 – Бакалинский; 14 – Муракаевский; 15 – Варнинский; 16 – Казань; 17 – Кашан; 18 – Джукетау; 19 – Алабуга; 20 – Булгар (Бряхимов); 21 – Билляр-Великий город; 22 – Ошель; 23 – Сувар; 24 – Муромский городок; 24 – Юловское (Буртас).

Fig. 2. Spread of intacts belts in the X–XI centuries in the Volga region and the Southern Ural.

Burial grounds: 1 – Bolshiye-Tigany; 2 – Tankeyevka; 3 – Kryukovo-Kuzhnovo; 4 – Rusenikha; 5 – Veselovo; 6 – Vyzhum; 7 – Dubovsky; 8 – Zaton Mikheeva; 9 – Krasnogorsk; 10 – Nizhnyaya Strelka; 11 – “Cheremiskoye Kladbishche”; 12 – Zhititamak; 13 – Bakaly; 14 – Murakaevo; 15 – Varninsky; 16 – Kazan; 17 – Kashan; 18 – Dzhuketau; 19 – Alabuga; 20 – Bulgar (Bryakhimov); 21 – Bilyar–Great City; 22 – Oshel; 23 – Suvar; 24 – Muromskiy Gorodok; 24 – Yulovo (Burtas).

(Иванов, Чичко, 2016). Что касается поясной гарнитуры второй половины – конца I тыс. н. э., т. н. «геральдических», аварских, тюркских, венгерских и византийского типа поясов (рис. 4: А), то в Волго-Уралье в виде целого пояса они спорадически разбросаны в памятниках лесостепной зоны региона (рис. 1). Удельный вес их в комплексах VII–IX вв. невелик: ранние болгары (праболгары)⁶ – 2,7% от 217 погр.; древняя мордва (Крюково-Кужновский, Журавкинский II, Старо-Бадиковский, Елизавет-Михайловский, Пановский и др. могильники) – 0,6% (1000 погр.); в погребениях ранних волго-камских болгар не встречаются; марийцы (Безводнинский, Веселовский, Выжумский могильники – всего 246 погр.) – 3,6%.

Однако по мере приближения к Уралу частота встречаемости поясов в погребениях заметно увеличивается. И этому есть вполне логичное, в контексте археологических источников, объяснение. А.М. Белавин,

Н.Б. Крыласова и автор этих строк потратили немало сил и времени для того, чтобы развить и обосновать концепцию пребывания угров-мадьяр в Предуралье в I – начале II тыс. н. э., выдвинутую ещё в 1970-е годы А.Х. и Е.А. Халиковыми (Белавин и др., 2009; Белавин и др., 2015). В настоящее время мало кто из исследователей оспаривает эту концепцию.

Для угров Прикамья и Южного Предуралья – носителей неволинской, ломоватовской и караякуповской культур – поясная гарнитура является органичной частью их материальной культуры. И в виде целых поясов она обнаружена: ломоватовская (могильники Мыдлань-Шай, Варнинский – 384 погр.) – 10%; ломоватовская (Каневский, Редикорский, Баяновский, Огурдинский, Рождественский и др. могильники – 589 погр.) – 10,7%; неволинская (Бродовский, Верх-Саинский, Неволинский мог. – 195 погр.) – 21%; караякуповская (Больше-Тиган-

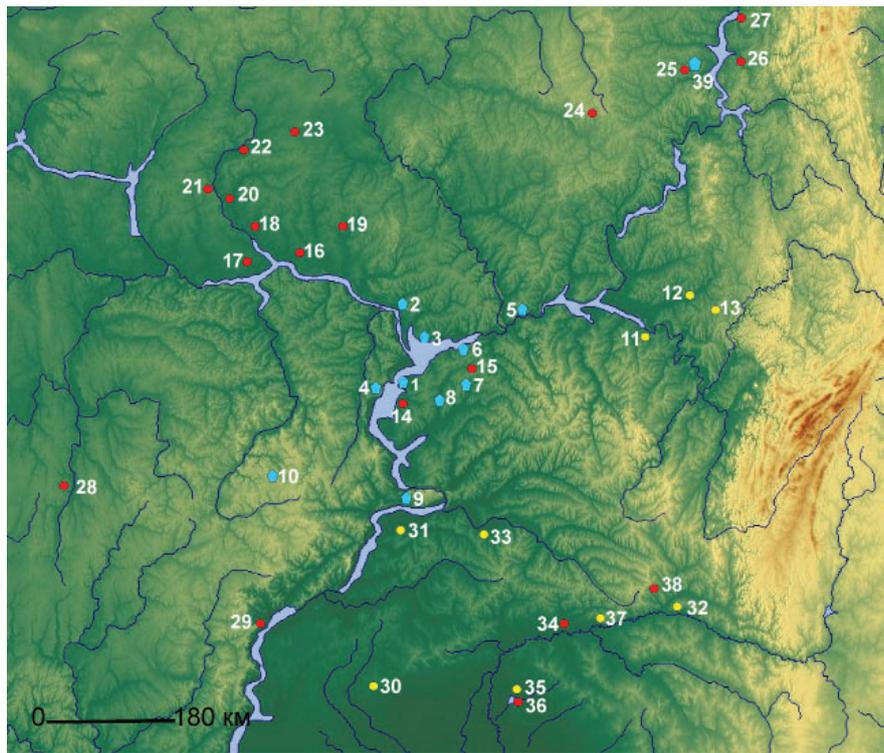

Рис. 3. Распространение полных поясов X–XI вв. в Волго-Камье и степном Предуралье (условные обозначения как на рис. 1 и 2). 1 – Булгар; 2 – Казань; 3 – Кашан; 4 – Ошель; 5 – Алабуга; 6 – Джукетау; 7 – Биляр; 8 – Сувар; 9 – Муромский городок; 10 – Юловское (Буртас); 11 – Житигатамакский; 12 – Бакалинский; 13 – Муракаевский; 14 – Танкеевский; 15 – Больше-Тарханский; 16 – Дубовский; 17 – Нижняя Стрелка; 18 – Выжумский; 19 – Красногорский; 20 – Затон Михеева; 21 – Русинихинский; 22 – Веселовский; 23 – «Черемисское кладбище»; 24 – Варнинский; 25 – Рождественский; 26 – Баяновский; 27 – Огурдинский; 28 – Крюково-Кужновский; **Печенежские памятники:** 29 – Саратов; 30 – Новоузенский; 31 – Александровский; 32 – Алебастровая гора; 33 – Покровский; 34 – Рубежинский; 35 – Челкар; 36 – Челкар III; 37 – Увак; 38 – Буранный; 39 – город Афкула.

Fig. 3. Spread of intact belts in the X–XI centuries in the Volga-Kama and steppe Cis-Urals (symbols as in fig. 1 and 2). 1 – Bulgar; 2 – Kazan; 3 – Kashan; 4 – Oshel; 5 – Alabuga; 6 – Dzhuketau; 7 – Bilyar; 8 – Suvar; 9 – Muromskiy Gorodok; 10 – Yulovo (Burtas); 11 – Zhititamak; 12 – Bakaly – Murakaevo; 14 – Tankeyevka; 15 – Bolshiye Tarkhany; 16 – Dubovsky; 17 – Nizhnyaya Strelka; 18 – Vyzhum; 19 – Krasnogorsk; 20 – Zaton Mikheeva; 21 – Rusinikha; 22 – Veselovsky; 23 – “Cheremiskoye Kladbishche”; 24 – Varninsky; 25 – Rozhdestvensk; 26 – Bayanovo; 27 – Ogurdino; 28 – Kryukovo-Kuzhnovo; **The Pecheneg sites:** 29 – Saratov; 30 – Novouzen; 31 – Alexandrovsky; 32 – Alabastrovaya Gora; 33 – Pokrovsky; 34 – Rubezhinsky; 35 – Chelkar; 36 – Chelkar III; 37 – Uvak; 38 – Buranny; 39 – Afkula.

ский, Стерлитамакский, Лагеревский, Каранавский и др. могильники – 125 погр.) – 9,8%.

Одним словом, культура угров-мадьяр – это культура (в том числе) и наборных поясов. И в данном контексте вполне конструктивной представляется точка зрения Р.Д. Голдиной, считающей (правда, на примере другого материала – кладов сасанидских изделий и монет), что истоком «дальнего импорта» в Предуралье⁷ являлась Средняя Азия (Голдина, 2012а).

В X–XIII вв. картина распространения зон Волго-Уралья никак не влияли (рис. 2 и 3) (Иванов, 2022, с. 118–122).

и вообще социально-экономическая ситуация в регионе: образование Волжской Болгарии с её городскими торгово-ремесленными центрами, торговая экспансия болгар на север в Прикамье и запад в Верхнее Поволжье при отсутствии таковой на восток в Южное Предуралье и на юг в степь. Судя по археологическим данным, кочевники восточноевропейской степи – печенеги и огузы – на культуру населения лесостепной и тем более лесной

Полностью отсутствуют целые пояса и в немногочисленных комплексах угров Южно-

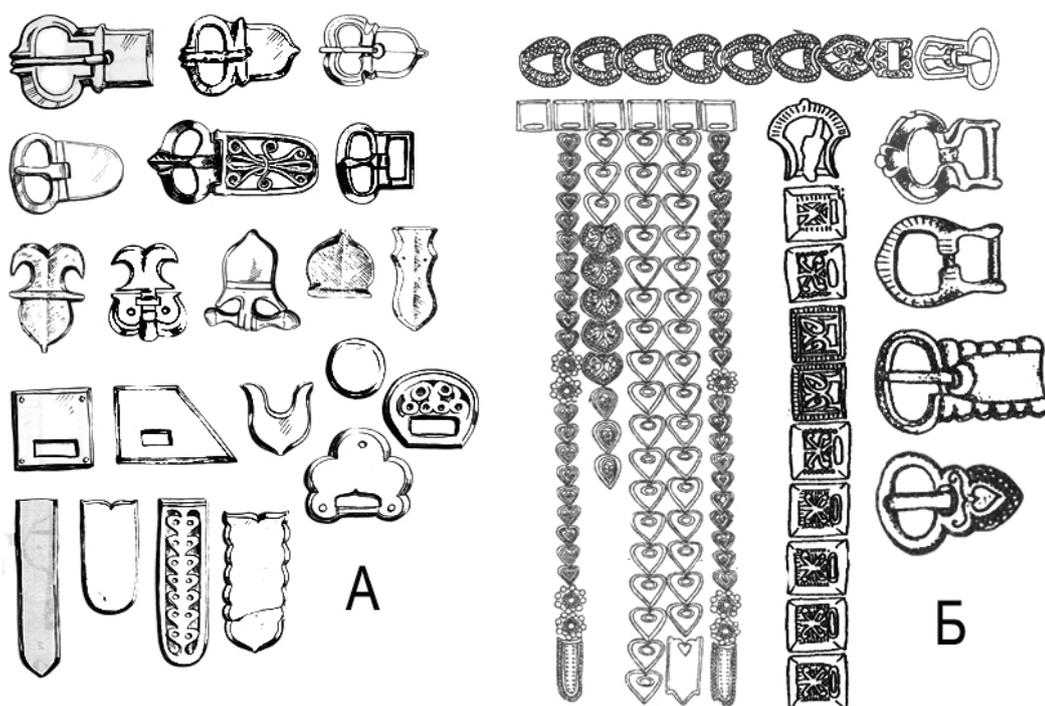

Рис. 4. Гарнитура поясов VIII–IX (А) и X–XI

(Б – по А.М. Белавину, Н.Б. Крыласовой, Т.Б. Никитиной) веков Волго-Уралья.

Fig. 4. Belt sets of the VIII–IX (A) and X–XI

(B – according to A.M. Belavin, N.B. Krylasova, T.B. Nikitina) centuries of the Volga-Ural region.

го Предуралья, представленных памятниками петрогромско-чиялыкского типа (рис. 2). Своеобразным остаточным проявлением угорской традиции помещения в могилу целого пояса выступает женское погребение № 65 Больше-Тиганского могильника, датированное саманидским дирхемом 900 г. н. э. (Халиков, 1984, с. 127–128).

То есть основные ареалы распространения целых поясов в погребальных комплексах устойчиво формируются в Ветлужско-Вятском (марийцы) и среднекамском (финно-пермяки, носители родановской культуры) районах (рис. 2 и 3). Причиной этого, на мой взгляд, является не только ареалообразующая роль волжско-болгарского ювелирного ремесла, но и становление собственного аналогичного производства у лесного волго-камского населения – ювелирная мастерская на Родановом (Плотниковском) городище (Крыласова и др., 2019) (рис. 4: Б).

Имеются археологические свидетельства о занятии ювелирным литьем марийских женщин X–XI вв. (Никитина, Ефремова, 2011; 2012). Правда, данных о том, что они занимались производством поясной гарнитуры, мы не имеем, поэтому пока считаю более конструктивным придерживаться традицион-

ной точки зрения о Волжской Болгарии как импортере поясной гарнитуры для обитателей Волго-Камских лесов (Белавин, 2000, с. 104–110; Акилбаев, 2016).

В марийских могильниках X–XIII вв.: Веселовский, «Черемисское кладбище», Юмский, Нижняя стрелка, Дубовский, Русинихинский, Выжумский, Затон Михеева, Красногорский (рис. 2 и 3) (в общей сложности 256 погребений⁸) – целые пояса найдены в 30% погребений.

Статистика целых поясов в могильниках родановской культуры дает следующие результаты: Огурдинский (231 погр.), Рождественский (440 погр.) и Баяновский (538 погр.) могильники⁹ – всего 1209 погребений рассматриваемого времени. **Целые пояса** найдены в общей сложности в 12% погребений.

Из сказанного вытекают следующие **выводы**:

В VIII–XIII вв. н. э. влияние кочевой Степи на сложение комплекса поясной гарнитуры волжских финнов и прикамских финно-пермяков не прослеживается;

В конце I тыс. н. э. – в период угорско-венгерской этнокультурной доминанты в Прикамье и Предуралье – целые пояса «тюрк-

ского», «венгерского» и салтово-маяцкого («хазарского») типов в могильниках полемской, ломоватовской, неволинской и караякуповской культур Прикамья и Предуралья встречаются в среднем в 12,8% погребений. Против таких же, средних 2,3% в марийских и мордовских могильниках Поволжья. Причем, по данным О.В. Зеленцовой, поясная гарнитура указанных типов в том или ином виде присутствует в 42% всех древнемордовских мужских погребениях VIII–IX вв. (главным образом в Крюково-Кужновском могильнике) (Зеленцова, 2018). С учетом географии этих погребений (рис. 1) и общей этнополитической ситуации в Восточноевропейском степном пограничье – миграция венгров в поисках «новой Родины» – можно допустить, что подобная гарнитура к мордве попадала именно от них;

В X–XI вв. и позже наборные пояса абсолютно не встречаются в погребениях угров Южного Предуралья и единичными случаями встречаются в погребениях печенегов Волго-

Уральских степей. Но в это время уже развивается торгово-ремесленная культура городов Волжской Болгарии, которая и становится источником (а другое предположить сложно) образцов поясной гарнитуры для марийцев Вятско-Ведлужского междуречья и финно-пермяков Прикамья¹⁰ (рис. 2 и 3);

Статистика распространения целых поясов в могильниках лесных племен региона в указанный период с большей степенью вероятности указывает на их не этническую, а социальную семиотику. Исходя из этого, свое логическое объяснение получает и заметная разница в частоте встречаемости целых поясов в погребениях марийцев Вятско-Ведлужского междуречья и финно-пермяков Прикамья. По моему мнению, здесь могло сказаться влияние ислама с его ортодоксальными ограничениями на культуру и мировоззрение финно-пермского населения округи болгарского города-форпоста Афкула (Рождественское городище) при отсутствии такового у марийцев.

Примечания:

¹ Прекрасно осознаю риск прослыть самонадеянным, но – тем не менее.

² Естественно, имеются в виду непотревоженные погребения.

³ Одна из групп предметов дальнего импорта – по Е.В. и Р.Д. Голдиным (Голдины, 2010).

⁴ В том числе и в Хазарию.

⁵ Тем более, что применительно к поясной гарнитуре, названные исследователи к «салтовским» относят так же и гарнитуру т.н. «геральдического» и «тюркского» типов (Белавин, Крыласова, 2022а, с. 74, рис. 1).

⁶ Т.н. памятники новинковского типа (Багаутдинов и др., 1998).

⁷ Наборные пояса «геральдического» и «тюркского» типов из той же категории.

⁸ Данные взяты из: Никитина, 2012; 2018; 2023.

⁹ Данные по Рождественскому и Баяновскому могильникам получены мною от Н.Б.Крыласовой (см. статью в настоящем номере) и А.В.Данича – основного исследователя Баяновского могильника. За что приношу им свою благодарность. В качестве примера присутствия в Баяновском могильнике поясных наборов интересующего нас контекста можно привести два погребения (№№ 242 и 279), опубликованные А.В.Даничем (Данич, 2016).

¹⁰ В том числе и для их собственного производства.

ЛИТЕРАТУРА

Акилбаев А.В. Вятско-Ведлужское междуречье в системе влияния Волжской Булгарии // Археологическое наследие Урала: от первых открытий к фундаментальному научному знанию (XX Уральское археологическое совещание): материалы Всероссийской (с международным участием) научной конференции / Отв. ред. Е.М. Черных. Ижевск: Институт компьютерных исследований, 2016. С. 275–277.

Багаутдинов Р.С., Богачев А.В., Зубов С.Э. Праболгары на Средней Волге (у истоков истории татар Волго-Камья). Самара: Полдень XXII век, 1998. 286 с.

Белавин А.М. Камский торговый путь. Средневековое Предуралье в его экономических и этнокультурных связях. Пермь: ПГПУ, 2000. 200 с.

Белавин А.М., Иванов В.А., Крыласова Н.Б. Угры Предуралья в древности и средние века. Уфа: ИПК БГПУ «Вагант», 2009. 285 с.

Белавин А., Данич А., Иванов В. Древние мадьяры в Предуралье // Фодор И. Венгры: древняя история и обретение родины. Пермь: Зебра, 2015. С. 102–128.

Белавин А.М., Крыласова Н.Б. Памятники Среднего Предуралья X–XIII вв. // Средние века (VIII – начало XIII вв.). Волжская Болгария. Финно-угорский мир. Кочевники Восточной Европы / Археология

Волго-Уралья. Т. 5 / под общ. ред. А.Г.Ситдикова, отв. ред. Ф.Ш. Хузин, Т.Б. Никитина. Казань: АН РТ, 2022. С. 685–718.

Белавин А.М., Крыласова Н.Б. Взаимодействие населения Предуралья и носителей салтово-маяцкой археологической культуры // “Hadak Útján” a népvándorlások fiatal kutatóinak XXIX. Konferenciája Budapest, 2019. november 15-16. / 29th Conference of Young Scholars on the Migration Period Budapest, November 15-16, 2019/ Főszerkesztő Türk Attila. Budapest: Martin Opitz Kiado, 2022a. P. 73-84.

Берк П. Взгляд историка: как фотографии и изображения создают историю / пер. с англ. А. Воскобойниковой. М.: Эксмо, 2023. 368 с.

Голдина Р.Д. О датировке и хронологии неволинской культуры (конец IV – начало IX в.) // Древности Прикамья эпохи железа (VI в. до н.э. – XV в. н.э.): хронологическая атрибуция / МИКВАЭ. Т. 25 / Отв. ред. Р.Д. Голдина. Ижевск: Удмуртский университет, 2012. С. 203–285.

Голдина Р.Д. Истоки «дальнего импорта» в Приуралье // Известия Коми научного центра УрО РАН. 2012а. Вып. 2 (10). С. 108–119.

Голдина Е.В., Голдина Р.Д. «Дальний импорт» Прикамья – своеобразное проявление процессов взаимодействия народов Евразии (VIII в. до н.э. – IX в. н.э.) // Голдина Е.В. Бусы могильников неволинской культуры (конец IV-IX вв.) / МИКВАЭ. Т. 6 Ижевск: Удмуртский гос. ун-т, 2010. С. 156–195.

Данич А.В. Исследования Баяновского могильника // Труды КАЭЭ. Вып. XI / Отв. ред. Н.Б. Крыласова. Пермь: Перм. гос. гуманитар.-пед. ун-т, 2016. С. 36–43.

Зеленцова О.В. Поясные наборы «венгерского» облика из могильников поволжских финнов Правобережья Волги // III-й Международный Мадьярский симпозиум. Будапешт, 6-10 июня 2016 г. / 3. Nemzetközi Korai Magyar Történelmi és Régészeti Konferencia. Budapest, 2016. június 6-10. Редакторы / Szerkesztők Türk Attila, A.C. Зеленков. Budapest: Martin Opitz Kiadó, 2018. С. 270–301.

Иванов А.Г. Погребения «ремесленников» по материалам средневековых могильников Чепецкого поречья // Древние ремесленники Приуралья: Материалы Всероссийской научной конференции (Ижевск, 21–23 ноября 2000 г.) / Отв. ред. В.И.Завьялов. Ижевск: УНИЯЛ, 2001. С. 169–183.

Иванов В.А. Этнокультурное развитие Западного Поволжья в X-X вв. Степь // Пензенский археологический сборник. Вып. 5 / Отв. ред. Г.Н. Белорыбкин. Пенза: Институт регионального развития Пензенской области, 2022. С. 116–133.

Иванов В.А., Крыласова Н.Б. Взаимодействие леса и степи Урало-Поволжья в эпоху средневековья (по материалам костюма). Пермь: Перм. гос. техн. ун-т, 2006. 162 с.

Иванов В.А., Чичко Т.В. Хазарский импульс в материальной культуре населения Предуралья второй половины I тыс. н.э. // Степи Восточной Европы в средние века. Сборник памяти С.А. Плетневой. / Отв. ред. И.Л. Кызласов М.: Авторская книга, 2016.. С. 210–222.

Иванова М.Г. Памятники бассейна р. Чепца // Средние века (VIII – начало XIII вв.). Волжская Болгария. Финно-угорский мир. Кочевники Восточной Европы / Археология Волго-Уралья. Т. 5 / под общ. ред. А.Г.Ситдикова, отв. ред. Ф.Ш. Хузин, Т.Б. Никитина. Казань: АН РТ, 2022. С. 650–667.

Кирпичников А. Великий Волжский путь, его историческое и международное значение // Великий Волжский путь: материалы Круглого стола и Международного научного семинара / Отв. ред. Ф.Ш. Хузин. Казань: Мастер Лайн, 2001. С. 9–35.

Крыласова Н.Б. История прикамского костюма. Костюм средневекового населения Пермского Предуралья. Пермь: ПГПУ, 2001. 260 с.

Крыласова Н.Б., Подосёнова Ю.А., Сарпулов А.Н. Производство элементов поясной гарнитуры в эпоху средневековья (по материалам раскопок Роданова городища в 2018 г.) // Вестник Пермского университета. История. 2019. Вып. 1 (44). С. 56–72.

Никитин В.В., Никитина Т.Б. К истокам марийского искусства. Йошкар-Ола: МарНИИЯЛИ, 2004. 152 с.

Никитина Т.Б. Марийцы в эпоху средневековья (по археологическим материалам). Йошкар-Ола: МарНИИЯЛИ, 2002. 432 с.

Никитина Т.Б. Поясные наборы населения Ветлужско-Вятского междуречья IX-XI вв. / Tatyjana Bagisevna Nyikitina. Veretes övek a Vetluga-Vjatka-folyóköz 9-11. századi régészeti hagyatékában. / Magyar fordítás és szerkesztés Türk Attila – Jancsik Balázs. Budapest, 2023. 227 p.

Никитина Т.Б., Ефремова Д.Ю. Захоронения с орудиями литья («литейщиц») в марийских могильниках IX-XI вв. // Труды III (XIX) Всероссийского археологического съезда. Т. 2 / Ред. Н.А. Макаров, Е.Н. Носов. СПб.–М.–Великий Новгород: ИА РАН, 2011. С. 77–79.

Никитина Т.Б., Ефремова Д.Ю. Женщины-«литейщицы» из марийских захоронений X–XI вв. как носители этнической традиции // Труды КАЭЭ. Вып. VIII / Отв. ред. А.М. Белавин. Пермь: Перм. гос. гуманитар.-пед. ун-т., 2012. С. 336–344.

Петрухин В. Русь, Хазария и водные пути Восточной Европы // Великий Волжский путь: материалы Круглого стола и Международного научного семинара / Отв. ред. Ф.Ш. Хузин. Казань: Мастер Лайн, 2001. С. 153–163.

Халиков А.Х. Новые исследования Больше-Тиганского могильника (о судьбе венгров, оставшихся на древней Родине) // Проблемы археологии степей Евразии. Советско-венгерский сборник / Отв. ред. А.И. Мартынов, И. Эрдели. Кемерово: Кемеров гос. ун-т, 1984. С. 122–133.

Информация об авторе:

Иванов Владимир Александрович, доктор исторических наук, профессор, старший научный сотрудник, Институт археологии им. А.Х. Халикова АН РТ (г. Казань, Россия); ivanov-sanych@inbox.ru

REFERENCES

Akilbaev, A. V. 2016. In Chernykh, E. M. (ed.). *Arkheologicheskoe nasledie Urala: ot pervykh otkrytii k fundamental'nomu nauchnomu znaniuu (XX Ural'skoe arkheologicheskoe soveshchanie) (Archaeological Heritage of the Urals: from Original Discoveries to Fundamental Scientific Knowledge (20th Urals Archaeological Congress))*. Izhevsk: Institute of Computer Research, 275–277 (in Russian).

Bagautdinov, R. S., Bogachev, A. V., Zubov, S. E. 1998. *Prabolgary na Sredney Volge (u istokov istorii tatar Volgo-Kam'ya) (The pra-Bolgars on the Middle Volga (at the origins of the history of the Volga-Kama Tatars))*. Samara: “Polden' XXII vek” Publ. (in Russian).

Belavin, A. M. 2000. *Kamskii torgovyi put'. Srednevekovoe Predural'e v ego ekonomicheskikh i etnokul'turnykh svyaziakh (Kama Trade Route: Medieval Cis-Urals in its Economic and Cultural Relations)*. Perm: Perm State Pedagogical University (in Russian).

Belavin, A. M., Ivanov, V. A., Krylasova, N. B. 2009. *Ugry Predural'ia v drevnosti i srednie veka (Cis-Urals Ugric Peoples in the Antiquity and Middle Ages)*. Ufa: “Vagant” Publ. (in Russian).

Belavin, A., Danich, A., Ivanov, V. 2015. In Fodor, I. *Vengry: drevniaia istoriia i obretenie rodiny (The Hungarians: Ancient History and the Conquest of the Homeland)*. Perm: “Zebra” Publ., 101–128 (in Russian).

Belavin, A. M., Krylasova, N. B. In 2022. Sitdikov, A. G., Khuzin, F. Sh., Nikitina, T. B. (eds.). *Srednie veka (VIII – nachalo XIII vv.). Volzhskaya Bolgariya. Finno-ugorskiy mir. Kochevniki Vostochnoy Evropy (Middle Ages (VIII – beginning of the XIII centuries). Volga Bulgaria. Finno-Ugric world. Turkic-speaking nomads)*. Series: Arkheologiya Volgo-Uralia (Archaeology of the Volga-Urals) Vol. 5. Kazan: Institute of Archaeology named after A. Kh. Khalikov, Tatarstan Academy of Sciences, 685–718 (in Russian).

Belavin, A. M., Krylasova, N. B. 2022a. In Türk Attila (ed.). “Hadak Útján” a népvándorlások fiatal kutatóinak XXIX. Konferenciája Budapest, 2019. november 15-16. 29th Conference of Young Scholars on the Migration Period Budapest, November 15-16, 2019. Budapest: Martin Opitz Kiado, 73–84 (in Russian).

Burke, P. 2023. *Vzglyad istorika: kak fotografiya i izobrazheniya sozdayut istoriyu (The historian's view: how photography and images create history)*. Moscow: “Eksmo” Publ. (in Russian).

Goldina, R. D. 2012. In Goldina, R. D. (ed.). *Drevnosti Prikam'ia epokhi zheleza (VI v. do n.e. – XV v. n.e.): khronologicheskaya atributsiya (Iron Age Antiquities of the Kama Area (6th Century BC – 15th Century AD): Chronological Attribution)*. Series: Materialy i issledovaniia Kamsko-Viatskoi arkheologicheskoi ekspeditsii (Proceedings and Research of the Kama-Vyatka Archaeological Expedition) 25. Izhevsk: Udmurt State University, 203–285 (in Russian).

Goldina, R. D. 2012. In *Izvestiia Komi nauchnogo tsentra UrO RAN. (Proceedings of the Komi Scientific Center, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences)* 10 (2), 108–119 (in Russian).

Goldina, E. V., Goldina, R. D. 2010 In Goldina, E. V. *Busy mogil'nikov nevolinskoj kul'tury (konets IV–IX vv.) (Beads from the Nevolino Culture Burial Grounds (Late 4th – 9th Centuries))*. Series: Materialy i issledovaniia Kamsko-Viatskoi arkheologicheskoi ekspeditsii (Proceedings and Research of the Kama-Vyatka Archaeological Expedition) 6. Izhevsk: Udmurt State University, 156–195 (in Russian).

Danich, A. V. 2016. In Krylasova, N. B. (ed.). *Trudy Kamskoi arkheologo-etnograficheskoi ekspeditsii (Proceedings of the Kama Archaeological and Ethnographical Expedition)* XI. Perm: Perm State Humanitarian Pedagogical University, 36–43 (in Russian).

Zelentsova, O. V. 2018. In Turk, A., Zelenkov, A. S. (eds.). *III Mezhdunarodniy mad'yarskiy simpozium (Budapesht, 6–10 iyunya 2016 g.) (3rd International Magyar Symposium (Budapest, June 6–10, 2016))*. Budapest: Martin Opitz Kiadó, 270–301 (in Russian).

Ivanov, V. A. 2001. In Zav'ialov, V. I. (ed.). *Drevnie remeslenniki Priural'ia (Ancient Craftsmen of the Cis-Ural Region)*. Izhevsk: Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Udmurtian Language, Literature and History Institute, 169–183 (in Russian).

Ivanov, V. A. 2022. In Belorybkin, G. N. (ed.). *Penzenskii arkeologicheskii sbornik (Penza Archaeological Collected Papers) 5*. Penza: "PIRO" Publ., 116–133 (in Russian).

Ivanov, V. A., Krylasova, N. B. 2006. *Vzaimodeistvie lesa i stepi Uralo-Povolzh'ia v epokhu srednevekov'ia (po materialam kostiuma) (Interaction of the Forest and Steppe of the Ural–Volga Region in the Middle Ages (Based on Costume Materials))*. Perm: Perm State Technical University (in Russian).

Ivanov, V. A., Chichko, T. V. 2016. In Kyzlasov, I. L. (ed.). *Stepi Vostochnoi Evropy v srednie veka. Sbornik pamiati S.A. Pletnevoi (Steppes of Eastern Europe in the Middle Ages. Collection dedicated to the Memory of S.A. Pletneva)*. Moscow: "Avtorskaia kniga" Publ., 210–222 (in Russian).

Ivanova, M. G. In 2022. Sitdikov, A. G., Khuzin, F. Sh., Nikitina, T. B. (eds.). *Srednie veka (VIII – nachalo XIII vv.). Volzhskaya Bolgariya. Finno-ugorskiy mir. Kochevniki Vostochnoy Evropy (Middle Ages (VIII – beginning of the XIII centuries). Volga Bulgaria. Finno-Ugric world. Turkic-speaking nomads)*. Series: Arkheologiya Volgo-Uralia (Archaeology of the Volga-Urals) Vol. 5. Kazan: Institute of Archaeology named after A. Kh. Khalikov, Tatarstan Academy of Sciences, 650–667 (in Russian).

Kirpichnikov, A. 2001. In Khuzin, F. Sh. (ed.). *Velikii Volzhskii put' (Great Volga Way) II*. Kazan: "Master-Line" Publ., 9–35 (in Russian).

Krylasova, N. B. 2001. *Istoriia prikamskogo kostiuma. Kostium srednevekovogo naseleniia Permskogo Predural'ia (History of the Kama River Region Costume. Medieval Costume of the Perm' Cis-Urals Population)*. Perm: Perm State Pedagogical University (in Russian).

Krylasova, N. B., Podosenova, Yu. A., Sarapulov, A. N. 2019. *Vestnik Permskogo universiteta. Seriya Istoriia (Bulletin of the Perm University: History Series)*. 44 (1), 56–72 (in Russian).

Nikitin, V. V. Nikitina, T. B. 2004. *K istokam mariiskogo iskusstva (To the Origins of the Mari Art)*. Yoshkar-Ola: Mari Scientific and Research Language, Literature, History and Ethnography Institute (in Russian).

Nikitina, T. B. 2002. *Mariitsy v epokhu srednevekov'ia (po arkeologicheskim materialam) (Mari People in the Middle Ages (by archaeological materials))*. Yoshkar-Ola: Mari Research Institute of Language, Literature and History (in Russian).

Nikitina, T. B. 2023. *Poyasnye nabory naseleniya Vetluzhsko-Vyatskogo mezhdurech'ya IX–XI vv. (Belt sets of the population of the Vetluga-Vyatka interfluve of the IX–XI centuries)*. Budapest (in Russian).

Nikitina, T. B., Efremova, D. Yu. 2011. In Makarov, N. A., Nosov, E. N. (eds.). *Trudy III (XIX) Vserossiiskogo arkeologicheskogo s'ezda. Velikii Novgorod – Staraiia Russa (Proceedings of the 3rd (19th) All-Russian Archaeological Meeting. Veliky Novgorod – Staraya Russa) 2*. Saint Petersburg; Moscow; Velikiy Novgorod: Institute for the History of Material Culture, Russian Academy of Sciences, 77–79 (in Russian).

Nikitina, T. B., Efremova, D. Yu. 2012. In Belavin, A. M. (ed.). *Trudy Kamskoi arkeologo-etnograficheskoi ekspeditsii (Proceedings of the Kama Archaeological and Ethnographical Expedition) VIII*. Perm: Perm State Humanitarian Pedagogical University, 336–344 (in Russian).

Petrukhin, V. 2001. In Khuzin, F. Sh. (ed.). *Velikii Volzhskii put' (Great Volga Way) II*. Kazan: "Master-Line" Publ., 153–163 (in Russian).

Khalikov, A. Kh. 1984. In Martynov, A. I. (ed.). *Problemy arkeologii stepei Evrazii. Sovetsko-vengerskiy sbornik (Issues of the Archaeology of the Eurasian Steppes. Soviet-Hungarian collected papers)*. Kemerovo: Kemerovo State University, 122–133 (in Russian).

About the Author:

Ivanov Vladimir A., Doctor of Historical Sciences, Institute of Archaeology named after A. Kh. Khalikov, Tatarstan Academy of Sciences. Butlerov St., 30, Kazan, 420012, the Republic of Tatarstan, Russian Federation; ivanov-sanych@inbox.ru

